

сокращения и знаки, а также списки использованных словарей и теоретической литературы. Русская литература подается в ее подлинном наименовании в латинской транскрипции, но в скобках дан перевод на немецкий язык. Это позволяет немецкому читателю, не владеющему русским языком (а большинство зарубежных лингвистов не читают, к сожалению, по-русски), получить полное представление о богатстве русскоязычной литературы по данной проблеме.

В заключение следует подчеркнуть, что автор представил на суд читателя исключительно четко построенную систему анализа отменных глаголов. Все составные части этой системы взаимосвязаны. При этом хотя автор и исследует частный вопрос теории немецкого языка, он вместе с тем делает ряд исключительно интересных обобщающих выводов. Кажущаяся на первый взгляд «чисто технической» проблема словообразования выводит нас фактически к глобальной проблеме общего языкознания — в частности, к проблеме соотношения языка и мышления. Фактически автором ставятся и разрешаются следующие вопросы: каков образ человеческого мозга избирает на разных этапах развития языка, а также в пределах одного исторического среза языка для идентичных понятий — различные, а для далеко отстоящих друг от друга понятий — идентичные морфологические и словообразовательные формы вновь появляющихся логических понятий? Каковы причины действия принципа избирательности в языке? Не имеем ли мы здесь дело с давно известным феноменом «экономии языковой материи» на фоне все более и более развивающегося и обогащающегося человеческого мышления? Данное исследование показало, что языкознание — наука сугубо гуманитарная — есть в то же время наука точная.

Швейцер А. Д. Теория перевода: 1988. 215 с.

Рецензируемая книга посвящена общетеоретическим проблемам теории перевода — сущности перевода, его семантическим и прагматическим аспектам, эквивалентности, адекватности и переводимости. В ней получает дальнейшее развитие подход к изучению теоретических основ перевода, впервые предложенный автором в 70-е годы в работе, ориентированной на перевод как коммуникативный процесс, как процесс поиска решения, определяемого во многом функциональными доминантами текста [1].

Это особенно отрадно констатировать, учитывая немалое число современных бейдтристикческих исследований в лингвистике. А тот факт, что работа советского лингвиста привлекла внимание зарубежного издателя, тоже кое о чем говорит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 40.
2. *Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. С. 25.
3. *Мурасов Р. З.* О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // ВЯ. 1976. № 5.
4. *Мурасов Р. З.* Словообразование и грамматические категории // ВЯ. 1979. № 3.
5. *Мурасов Р. З.* Грамматика производного слова // ВЯ. 1987. № 5.
6. *Недлаков В. П.* Смысловые ряды немецких глаголов с компонентами *aus-, heraus-, hinaus-*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
7. *Филищева Н. И.* К вопросу о глагольной префиксации в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
8. *Норанович А. Л.* Синонимические отношения словообразовательных моделей немецких глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1973.
9. *Виноградова Р. И.* Синонимия однокорневых префиксальных глаголов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
10. *Kaeding F. W.* Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache. Steglitz bei Berlin, 1898.

Криштофов А. Т.

статус, проблемы, аспекты. М.: Наука,

Наличие преемственных связей между этими работами не подлежит сомнению. Вместе с тем новая книга отражает прогресс лингвистического переводоведения, мощным стимулом которого послужили достижения современного языкознания в таких областях, как лингвистика текста, синтаксическая семантика, коммуникативная лингвистика, социо- и психолингвистика. Принципиально новое освещение получили в ней также важные вопросы, как уровни и типы эквивалентности, социальная обусловленность перево-

да, нормы перевода, перевод в свете теории текста и др.

Книга состоит из шести глав. Первая глава посвящена предмету теории перевода, ее отношению к социалингвистике, психолингвистике, лингвистике текста и семиотике. Во второй главе перевод анализируется как особый вид межъязыковой коммуникации, обладающий рядом дифференциальных признаков, раскрывается взаимодействие его языковых и внеязыковых аспектов, механизм его детерминации языковыми и социокультурными факторами. В третьей главе устанавливаются различные виды эквивалентности в их иерархии, выясняется отношение понятий «эквивалентность» и «адекватность», различие между адекватным, буквальным и вольным переводом и относительный характер переводимости. Четвертая глава посвящена описанию различных переводческих трансформаций на тех или иных подуровнях семантической эквивалентности. В пятой главе рассматривается роль прагматических отношений в процессе межъязыковой коммуникации и взаимодействие таких прагматических факторов, как коммуникативная установка отправителя, коммуникативная интенция переводчика и реакция получателя. Наконец, в шестой главе конкретизируются теоретические положения, связанные с рассмотрением перевода в терминах лингвистики текста. Основные итоги исследования подводятся в «Заключении».

Приступая к описанию процесса перевода как одного из важнейших видов межъязыковой коммуникации, автор исходит из того, что перевод представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, детерминированный множеством языковых и внеязыковых факторов. Взяв за основу разработанную в свое время Ю. Найдой и Ч. Табером модель «динамической эквивалентности» [2] и схему взаимодействия языковых и внеязыковых факторов, предложенную А. Поповичем [3], А. Д. Швейцер разрабатывает собственную схему, в которой процесс перевода представлен в виде серии выборов, определяющих, во-первых, стратегию перевода, а во-вторых, ее конкретное языковое воплощение. Центральное место в этой схеме занимает текст (исходный текст в первичной коммуникативной ситуации, т. е. в ситуации «исходный отправитель — оригинал» и конечный текст во вторичной, т. е. в ситуации «переводчик — текст перевода»). Текст является объектом приложения действующих сил, исходящих от всех детерминантов перевода. Последние образуют цепочку фильтров (система языка, норма языка, норма перевода, литературная традиция, национальный колорит, дистанция време-

ни, первичная коммуникативная ситуация и предметная ситуация) (с. 67). Одни и те же фильтры участвуют в интерпретации исходного и формировании конечного текстов. Будучи объектом воздействия первичной и вторичной коммуникативных ситуаций, текст в то же время является одним из факторов, формирующих эти ситуации. Процесс принятия переводческого решения может быть представлен как последовательное прохождение через указанную цепочку фильтров. Важную роль при этом играют пресуппозиции и импликация, основанные на контексте или фоновых знаниях.

При построении предлагаемой автором модели уровней за основу были приняты три измерения семозиса (синтактика, семантика и прагматика). На синтаксическом уровне имеют место субституция, сохраняющие исходное отношение «знак — знак», типа: англ. *The sun disappeared behind a cloud* — русск. *Солнце скрылось за тучей*. Семантическая эквивалентность включает два подуровня — компонентный и референциальный. В первом случае сохраняется исходный набор сем при расхождении в наборе используемых формально-структурных средств (например, англ. *Your wife is a superb cook* — русск. *Ваша жена прекрасно готовит*).

На подуровне референциальной эквивалентности речь идет о более сложных лексико-грамматических преобразованиях, затрагивающих не только синтаксическую матрицу высказывания, но и ее лексико-семантическое наполнение. Здесь, в частности, нередко происходят трансформации, основанные на метонимических и метафорических сдвигах (русск. *У меня стоят часы* — англ. *My watch has stopped*; русск. *Это откуда пухой подать* — нем. *Das ist nur ein Katzenprung*).

Соответствия на прагматическом уровне не сводятся к определенному типу трансформаций. Здесь имеют место добавления, omission, случаи полного перифразирования и др. (русск. *Ничего, до свадьбы выживет* — англ. *As they say in Russian, it will heal in time for the wedding*; *Остаётся две недели шопинга*. Шопинг — значит ходить по магазинам, прицениваться, делать покупки. *До сих пор политический шопинг был удачнее для республиканцев* — англ. *In two weeks the shopping season will be over*; *Political shopping has so far favoured the Republicans*; русск. *С днем рождения вас* — англ. *Many happy returns*).

В этой связи следует особо отметить интересный вывод о приimate прагматического уровня эквивалентности по отношению к остальным. А. Д. Швейцер отмечает: «...прагматический уровень, ox-

завышающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и называется на все другие уровни и виды эквивалентности» (с. 86).

Взгляд на перевод как на многогранный и неоднозначный процесс потребовал от автора его двойного определения. «Исходя из сказанного выше,— пишет А. Д. Швейцер — перевод можно определить во-первых, как однонаправленный двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором создается вторичный текст, репрезентирующий первичный в другой языковой и культурной среде, и, во-вторых, как процесс, ориентированный на воссоздание коммуникативного эффекта оригинала с поправкой на различия между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» (с. 205). Думается, что это определение при всей его громоздкости выгодно отличается от некоторых других, носящих чрезмерно редуцированный характер и сводящих перевод лишь к одному из его аспектов. Ср., например, определение А. Эттингера, трактующее перевод как «преобразование знаков или репрезентаций в другие знаки или репрезентации» [4], или определение У. Уинтера, сводящее перевод к замене интерпретации на одном языке интерпретацией на другом (ср. [5]).

Автор прав, утверждая, что многогранный характер перевода требует разностороннего подхода к его ключевым понятиям. Так, изложенную выше семиотическую концепцию, лежащую в основе иерархии уровней эквивалентности и основанную на примате прагматического уровня по отношению к семантическому (компонентному и референциальному), целесообразно дополнить функциональной типологией, основанной на выделении функциональных доминант текста. Ср., например, известную функциональную типологию Р. О. Якобсона, различающего референтную, экспрессивную, конативную, фатическую, металингвистическую и поэтическую функции текста [6].

В отличие от других авторов, рассматривающих эквивалентность и адекватность перевода как синонимичные понятия, А. Д. Швейцер разграничивает их следующим образом: если понятие эквивалентности связано в первую очередь с воспроизведением коммуникативного эффекта исходного текста и с учетом детерминантов первичной коммуникативной ситуации, то понятие адекватности ориентировано главным образом на со-

ответствие факторам, которые привносят вторичная коммуникативная ситуация. Если с точки зрения эквивалентности перевод предстает как результат, то для адекватности наиболее существен его процессуальный аспект.

Одной из «вечных» проблем теории перевода является проблема переводимости. Известна резко отрицательная позиция по вопросу переводимости, высказанная В. Гумбольдтом в письме А. Шлегелю от 23 июля 1796 г. [7]. Диаметрально противоположная позиция (постулат переводимости) характерна для многих современных теоретиков перевода. См., например, у В. Коллера: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, может быть переведено на другой» [8]. Функциональные параметры текста далеко не равнозначны с точки зрения потенциальной возможности их передачи в переводе. Если референтная (денотативная) функция сравнительно легко поддается передаче на другой язык, то в связи с передачей металингвистической функции порой возникают серьезные трудности. Ср., например, следующий отрывок из «Детства» М. Горького, где неоднозначность языкового выражения становится функционально релевантной чертой текста:

«— Ты откуда пришла?»

— Сверху, из Нижнего, да не пришла, по воде-то не ходят» [9].

Вполне убедительным представляется вывод автора о том, что «... переводимость представляет собой не абсолютное, а относительное понятие» (с. 110). Существенное уточнение в трактовку этой категории вносит предлагаемое в работе разграничение переводимости на уровне того или иного сегмента текста, с одной стороны, и переводимости на уровне текста в целом, с другой. В самом деле, полная переводимость является далеко не всегда достижимым идеалом. «Частичные потери, жертвы, приносимые во имя главной коммуникативной цели,— все это заставляет прибегать к переводу на уровне частичной эквивалентности, но при обязательном условии адекватности переводческого решения» (там же).

При этом принципиальная нерешимость, допускающая частичные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста.

Используемое в книге понятие «смысл» близкое к тому, которое А. В. Пондарко называет «речевым смыслом», определяемым как «...та информация, которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в со-

четания с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» [10]. В процессе перевода языковые значения являются переменной величиной, ибо они, как справедливо отмечает Э. Косериу [11], являются атрибутом данного конкретного языка. Извариантным в переводе остается именно смысл. Как раз речевой контекст и ситуация общения дают возможность нейтрализовать различия между нетождественными значениями исходного языка и языка перевода для передачи одного и того же смысла.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является детальная, опирающаяся на обширный фактический материал разработка проблем переводческих трансформаций и их мотивации. Так, например, для компонентного подуровня семантической эквивалентности характерны структурные трансформации, не затрагивающие лежащих в основе высказывания набор сем. Среди них выделяются следующие типы преобразований: замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими и, наконец, замена грамматических средств лексико-фразеологическими. Основной причиной этих трансформаций являются неизоморфность структур исходного языка и языка перевода.

В работе предлагается также типология трансформаций, характерных для референциального подуровня. Некоторые из них уже отмечались в литературе, а некоторые описываются впервые. Эта группа трансформаций включает следующие основные типы: гиперонимическая (русс. *Старого воробья на мякине не проведешь* — англ. *Old birds are not to be caught with chaff*), гипонимическая (англ. *As the tree, so the fruit* — русск. *Яблоко от яблони недалеко падает*), интергипонимическая (англ. *Let's go Dutch treat* — русск. *Будем завтракать на немецкий счет*), метонимическая (русс. ... и в городо обич за другим погузнулись в темноту — англ. ... one after another cities were blacked out), синекдохическая (англ. *What does Downing Street think?* — русск. *О чем думает английский праотецство?*) метафорическая (англ. *Let him counteract that...* — русск. *Пусть-на попробует отбить такой удар!*) и др.

В основе трансформаций на референциальном уровне лежат такие причины, как избирательность языка по отношению к признакам внеязыковой действительности, расхождение в структуре семантических полей, расхождение в способах семантической интерпретации предметной ситуации, в способах выражения комму-

никативной структуры высказывания, стилистические факторы.

Покалуй, наиболее интересным и наиболее насыщенным оригинальным малоизученным материалом являются раздел, посвященный прагматическим аспектам перевода. Приведем в качестве примера строки из стихотворения К. Моргенштерна «Эстетическая ласка» в переводе с немецкого на английский язык М. Найта:

Ein Wiesel
Sass auf einem Kiesel
Inmitten Bachgeriesel...

A weasel
Perched up an easeful
Within a patch of teasel...

Этот перевод А. Д. Швейцера сопровождается весьма убедительным и хорошо аргументированным комментарием: «Ис сказанного, казалось бы, можно сделать заключение о том, что в некоторых случаях «формальная» эквивалентность может переводиться эквивалентность на более высоких уровнях, в том числе прагматическом. Однако на самом деле это не так. По сути дела, выдвигание на первый план формального подобия определяется функциональными доминантами этого текста, задуманного как словесная игра, и, таким образом, соответствует коммуникативной интенции автора, т. е. прагматической мотивации текста» (с. 150—151).

В разделе, посвященном роли установок на получателя в процессе перевода, отмечается, что основной прагматической установкой, характеризующей звено «текст-получатель», является учет расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур и участников различных коммуникативных ситуаций. Здесь сказываются различия в исходных знаниях, представлениях, интерпретационных и поведенческих нормах. Под этим углом зрения в работе рассматриваются также вопросы, как перевод реалий, роль прагматических презумпций, перевод аллюзий, раскрытие лежащих в основе текста презумпций и импликаций, отражение в речи персонажей социальной вариативности языка и др.

Особое внимание уделяется в работе роли коммуникативных установок самого переводчика, который (особенно переводчик художественного текста) порой приносит в перевод свои собственные характеристики. Это сказывается и на этапе интерпретации исходного текста, и на этапе создания нового текста на языке перевода. К этим характеристикам относятся приверженность переводчика определенной культурной традиции, его

собственное творческое и эстетическое кредо, его связь с эпохой и та конкретная задача, которую он сознательно или несознательно ставит перед собой. Это положение убедительно подтверждается на примерах из переводов В. А. Жуковского и М. Л. Лозинского.

В разделе, посвященном связи теории перевода с лингвистикой текста, А. Д. Швейцера эффективно использует разработанное Р. Штольце положение о многоплановости и «сверхсуммарности» смыслового содержания текста. При этом под сверхсуммарностью подразумевается несводимость смысла текста к сумме смыслов его констативов. Раскрывающие содержание текста рекуррентные смысловые признаки образуют его изотопические плоскости, в которых реализуется многоплановая структура его смысла. В результате интеграции отдельных элементов в языковом и внеязыковом контекстах образуется «приращение информации», лежащее в основе «сверхсуммарности» смысла текста [12]. Наряду с семантикой текста существенное значение для теории перевода имеет и стилистика текста. В этой связи значительный интерес представляют работы К. Райса, посвященные ориентированной на перевод типологии текста и использующие концептуальный аппарат теории информации, лингвистики текста и функциональной стилистики [13].

Проблемы перевода газетного текста, трактуемые в книге А. Д. Швейцера, свидетельствуют о том, что стилистика текста имеет самое непосредственное отношение к стратегии перевода. Так, например, на стратегию перевода влияют такие особенности газетного текста, как присущий ему своеобразный слог информативной и экспрессивной функций, насыщенность неологизмами и клише, часто создаваемые по продуктивным популярным моделям (ср. англ. *Hollywoodgate* «скандал в Голливуде», *Trangate* «иранский Уотергейт» и др.). Среди мотивов трансформаций существенную роль играют различия в удельном весе книжно-письменных и разговорных элементов в подобных текстах, в частности внешне сходных языковых средств, в компрессии текста.

Особо следует отметить широкий диапазон и репрезентативность используемого материала. В работе широко представлены переводы художественных текстов на русский язык Байрона, Теккерея, В. Шоу, Драйзера, Докторуа, переводы на английский язык Лермонтова, Достоевского, Ремарка и др.

В то же время некоторые положения работы представляются дискуссионными и нуждающимися в уточнении. Выше отмечалась интересная попытка автора раз-

граничить понятия «эквивалентность» и «адекватность». Одной из отличительных черт адекватности автор считает ориентацию этой категории на факторы, приносимые вторичной коммуникативной ситуацией. Но ведь связь с коммуникативной ситуацией и, в частности, с ее участниками, в том числе получателями текста, входит в сферу компетенции прагматики. В этой связи возникает вопрос: в чем же именно заключается различие между адекватностью перевода и его прагматической эквивалентностью? Последняя категория широко используется в книге и включает, в частности, установку на участников вторичной коммуникативной ситуации — получателей текста.

Интересный и оригинальный раздел, посвященный коммуникативной установке переводчика, построен целиком и полностью на материале поэтического перевода. А разве в других переводческих жанрах личность переводчика не находит своего проявления?

Вызывает известное сожаление и то, что в этом широкомасштабном очерке теории перевода отсутствует раздел, посвященный истории перевода и истории переводоведения.

Книга А. Д. Швейцера носит одновременно обобщающий, дискуссионный и поисковый характер. Оценивая современное состояние теории перевода, автор в то же время предлагает и обосновывает собственную трактовку стоящих перед ней проблем, намечая пути их решения. Нет сомнения в том, что перед нами заметное событие в лингвистической теории перевода, знаменующее собой новый этап в ее развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швейцера А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
2. Nida E. A., Taber C. The theory and practice of translation. London, 1969. P. 23.
3. Понович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980. С. 52—53.
4. Oettinger A. G. Automatic language translation. Cambridge (Mass.), 1960. P. 104.
5. Winter W. Impossibilities of translation // The craft and context of translation. Austin, 1961. P. 68.
6. Jakobson R. Linguistics and poetics // Style in language. Cambridge (Mass.), 1966.
7. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 31.
8. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 2. Aufl. Heidelberg, 1983. S. 152.
9. Catford J. A linguistic theory of translation. Oxford, 1965. P. 114—103.

10. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 95.
11. Coseriu E. Kontrastive Linguistik und Übersetzungstheorie: ihr Verhältnis zueinander // Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. München, 1981.
12. Stolze R. Grundlagen der Textübersetzung. Heidelberg, 1982.
13. Reiss K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984.

Маковский М. М.

Порохова О. Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л.: Наука, 1988, 262 с.

Вышедшая посмертно книга О. Г. Пороховой «Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах» была написана в 1983 г. по материалам докторской диссертации и увидела свет благодаря усилиям друзей и единомышленников автора — сотрудников ЛО Института языкознания АН СССР.

В монографии ставится и разрешается одна из актуальных и важных задач исторической русистики — вопрос о сходстве и различии во взаимодействиях одного из церковнославянских элементов — лексик с полногласием и лексик с неполногласием в русском литературном языке и народных говорах.

Как диалектолог О. Г. Порохову интересует мало разработанная в отечественном языкознании проблема влияния церковнославянского языка на русские диалекты. Необходимость использования материалов русских говоров при изучении взаимовлияния русского и церковнославянского языков отмечали еще в прошлом веке А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и другие ученые. Объектом исследования стала лексическая система языка, которая изучена не на материале отдельного ареального или синхронного среза (такие работы по данной теме уже имеются), а в их динамике и в совокупности двух языковых уровней — литературного и диалектного. Кроме того, диалектная лексика говоров на территории СССР сравнивается с лексикой двух островных говоров, находящихся за пределами СССР, которые в своей архаической системе сохраняют противопоставление полногласных и неполногласных образований.

Основная задача обсуждаемой книги — сравнение в характере взаимодействия лексик с полногласием и неполногласием в русском литературном языке XIX—XX вв. и народных говоров того времени. Автор также ставит задачу установить генетическую связь лексик с неполногласными корнями, известной в русских говорах, со старославянским языком, а также выяснить время формирования типов дифференциации полногласных и неполногласных образований в русском литературном языке.

Круг источников, из которых проводилась выборка материала, широк. Основным источником исследования послужили данные словарей и картотек древнерусского, XVIII в. и современного русского языка, картотеки словарей и словари русских народных говоров.

Для решения поставленных задач О. Г. Порохова избирает не методику сравнения отдельных пар слов с полногласием и неполногласием, а исследует морфосемантические гнезда (МСГ) каждой корневой пары в целом. Гнездовое расположение слов — несомненное достоинство обсуждаемой книги, такой подход помогает выявить семантические, лексические связи слов, особенности их морфемного состава; кроме того, как считает автор, это «...дает большой материал для установления отличия усвоения и функционирования церковнославянских элементов в системе ЛЯ и в говорах... помогает также изучению лексической аналогии и контактирования как в статическом, так и в динамическом плане» (с. 27—28). В качестве исходного момента при изучении семантических взаимодействий внутри МСГ О. Г. Порохова берет основное значение избранной лексик, а затем выявляет семантические центры и соответствующие линии семантического развития. В монографии анализируется 52 морфосемантических гнезда.

Книга открывается введением, в котором автор ставит задачи исследования, представляет изученный материал и демонстрирует методику работы.

Рецензируемая монография состоит из двух частей, которые в свою очередь делятся на главы.

В первой части («Сравнительное рассмотрение лексик с полногласием и неполногласием в русском литературном языке XIX—XX вв. и народных говорах»), состоящей из четырех глав, обсуждаются лексико-семантические и стилистические особенности лексик с полногласием и неполногласием, особенно значений, морфемного строения слов с полногласием и неполногласием, а также внутриагнездовое разделение неполногласных и полногласных образований, характер их варьирования.

Книга дает ясное представление о том,